

Модест Модестович Корф

ПРИ ЦАРСКОМ ДВОРЕ

УДК 821.112.2(494)-94

К66

Директор *П. Давидюк*

Перевод с немецкого *М. Винс*

Корректоры *Е. Пеннер, Э. Цорн*

Художественное оформление и дизайн *А. Цорн*

Корф М.

К66 При царском дворе. Из серии «Свидетели живого Бога» – К.: Свет на Востоке, 2018. – 96 с. Издание первое.

Простое свидетельство графа Модеста Модестовича Корфа, благословенного человека Божьего, охватывает важный отрезок истории Церкви и открывает тайну плодотворного служения, сокрытую в бескомпромиссном посвящении Господу Иисусу Христу.

Изд. № 01.523

ISBN 978-3-944772-56-1 (Герм.)

ISBN 978-617-7554-08-9 (Укр.)

© «Свет на Востоке», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Юные годы	7
Знаменательная встреча	11
Начало духовного пробуждения	16
Благословенное служение	34
Визит к штундистам	44
Начало преследований	54
Литературная миссия	58
Истинное единство	64
Высылка за границу	75
Приложение	79
Послесловие	90

ПРЕДИСЛОВИЕ

Горе мне, если не благовестую!

1 Кор. 9:16

Свои воспоминания о духовном пробуждении в Петербурге, начавшемся в 1874 году, последствия которого мы ощущаем и сегодня, я решил написать по просьбе некоторых детей Божьих. Братья, о которых здесь пойдет речь, уже почти все ушли в вечность; лично я никого не знаю, кто бы еще был жив. Из сестер в Господе многие еще живы.

В мои 85 лет мне уже никак нельзя откладывать написание моего свидетельства. Дневник я никогда не вел, поэтому прошу Господа напомнить мне события и дела, совершённые силой и любовью Христа в нашей слабости и немощи.

Милостью Божьей мне дано было родиться свыше в тот незабываемый 1874 год и стать свидетелем этого великого духовного движения. Это самое важное событие в моей жизни заставляет меня начать мои воспоминания с личных переживаний. Это не так просто, но, учитывая то, что мы находимся в преддверии великой скорби, я не могу иначе, как свидетельствовать о Том, Кто произвел во мне величайшее чудо, взяв на Себя мои грехи.

Бог вел и направлял меня. Он открыл глаза моего сердца на всю полноту, которую мы имеем во Христе (Кол. 2:9), показав при этом и то, что я – «глина в руке горшечника» (Иер. 18:6).

Первый толчок к чтению Слова Божьего я получил в общении с верующими англичанами. Они же побудили меня распространять Евангелие в России. А Гренвил Вальдеграв Уильям лорд Редсток, мой духовный отец, стал орудием Божиим, побудившим меня полностью и окончательно посвятить себя Господу нашему Иисусу Христу.

*Оберхофен-Тун, 25 июня 1922 года
Кантон Берн (Швейцария)*

Модест Корф

ЮНЫЕ ГОДЫ

*М*ой отец был высоким чиновником при обоих императорах – Николае I (1825–1855) и Александре II (1855–1881). Свою деятельность он закончил в должности президента департамента законов в Государственном совете. Оба императора ценили его блестящие способности, выказывая ему полное доверие и любовь. Благодаря положению моего отца, я с детства имел соприкосновение с царским двором. Уже в пятилетнем возрасте я был представлен императору Николаю I. В тот памятный вечер 1847 года во дворце в Царском Селе собрался узкий круг людей, куда был приглашен и мой отец. Я благоговейно дрожал, стоя перед Его величеством императором. А он, ласково подняв меня на руки, понес к своей супруге и представил меня ей.

Доброта царской четы, блеск и величественное окружение произвели на меня неизгладимое впечатление. Мною овладело желание обязательно попасть на службу при царском дворе, и этому желанию суждено было сбыться. Хотя я и воспитывался дома, однако уже в восемь

лет носил мундир пажеского корпуса, отдавая на улице честь офицерам. В 18 лет я поступил на государственную службу, а в 19 лет стал придворным камер-юнкером. Спустя время я получил чин церемониймейстера и наконец гофмаршала.

Итак, все мои желания исполнились. Я пользовался многочисленными привилегиями и был осыпан всеми богатствами этого мира, но мира, который может иметь только человек, спасенный и возрожденный в Иисусе Христе, Спасителе нашем, я не знал. Правда, моя незабвенная глубоко верующая матушка с самого рождения окружала меня, единственного сына, искренними молитвами, что, конечно же, не прошло бесследно. Еще юношей я старался вести нравственный образ жизни. Я любил беседовать с духовенством, дружил с митрополитом, регулярно посещал церковные службы. Я верил в тот факт, что Сын Божий был распят на Голгофе. Но ни один священник не сказал мне, что мои грехи искуплены кровью Иисуса. Раз в год я ходил на исповедь, и священник, которому я исповедовался, отпускал мне мои грехи, после чего я с радостью причащался. И поскольку все это предписывалось церковью, я думал, что мои отношения с Богом в порядке.

Так проходил год за годом. С одной стороны, богобоязненность, благочестие, регулярное

посещение богослужений; с другой – мирская жизнь, правда, в пределах нравственности, кроме того, государственная служба, а по вечерам – встречи в придворных кругах, посещение концертов и других представлений – такова была моя жизнь. На службе и при выполнении других обязательств для меня всегда большим примером был мой отец, посвятивший всю свою жизнь служению родине. Он работал не покладая рук, даже ночью, и я стремился во всем подражать ему.

В 1865 году в Сан-Ремо умер наследник престола. Следующим наследником был провозглашен его старший брат Александр, будущий Александр III. Император поручил моему отцу подготовить нового наследника к выполнению будущих обязанностей и познакомить его с основами государственного устройства Российской империи. Для этого государь призвал моего отца ко двору в Царское Село, где в то время жила императорская семья. Отец ежедневно занимался с наследником престола. Поскольку моя мама по состоянию здоровья находилась за границей, мне было позволено жить с отцом при царском дворе в Царском Селе, где нам выделили большую, роскошную квартиру во дворце.

Мы провели во дворце два летних месяца. Императорская семья пребывала в глубоком

трауре. Каждый день к моему отцу приходил адъютант с приглашением провести вечер с императорской семьей. К моему удивлению, приглашение было адресовано всегда отцу и сыну. Я был рад приглашению и в то же время боялся близкого общения с моим государем и повелителем. Но Господь помогал мне, ведь я уже и тогда не ходил ко двору без молитвы. Я рассказываю читателям об этих событиях, чтобы показать, в каких близких отношениях я был с императорской семьей.

Но, несмотря на всю доброту и расположение ко мне государя и всей его семьи, после обращения к Христу я почел поношение Христово бóльшим для себя богатством.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

В жизни человека всё значительно, и нет ничего, никаких мелочей, никакого события, которое не осталось бы без важных последствий. Пророк Захария говорит в 10-м стихе 4-й главы: «Ибо кто может считать день этот маловажным?»

Это произошло в 1867 году. Находясь в Париже, я посетил там первую мировую выставку. И вдруг я увидел в парке небольшой выставочный павильон, на котором развевался флаг с надписью «Библии». В то время мне были знакомы из Библии лишь четыре Евангелия. О существовании Британского и зарубежного библейского общества я вообще ничего не знал и принял это за какую-то новую выдумку. Со всех сторон здание имело маленькие окна с названиями разных стран. На одном из них было написано по-французски: «Россия». Я спросил одного из работников, что означает «Россия» под флагом с надписью «Библии».

Молодой приветливый англичанин объяснил мне, что Британское библейское общество

распространяет безвозмездно части Священного Писания на разных языках, и добавил:

– В этом окошке вы можете получить Новый Завет на русском языке.

Это было совершенно неожиданно для меня: Ветхий Завет к тому времени еще не был переведен на русский язык, а в церкви я слышал лишь отрывки из Нового Завета.

Между нами завязалась беседа. Англичанин не скрывал своей радости по поводу того, что может говорить об этих важных вещах с молодым русским человеком. Уже одна эта приветливость побудила меня продолжать нашу беседу. Она закончилась тем, что приветливый сотрудник Библейского общества спросил мое имя и адрес в Петербурге. Зная упорство англичан и боясь, как бы меня не использовали в целях пропаганды этого словечка «Библии», я возразил:

– Российская цензура не пропустит через границу Библии, отправленные Британским библейским обществом.

Мысль о том, что мне придется распространять части Библии, омрачила радость, испытываемую мною от выставки.

Вернувшись в Петербург и вскрыв почту, я первым делом прочитал сообщение, что на мой адрес отправлено из Англии 3 000 экземпляров Евангелий от Иоанна. Я почувствовал

себя очень неудобно, не представляя, каким образом смогу получить это почтовое отправление и кому буду раздавать Евангелия. Отец посоветовал мне обратиться в Священный Синод за разрешением на раздачу Евангелий. Я отправил прошение и был уверен, что получу отказ. Но... человек предполагает, а Бог располагает. Вскоре я получил ответ. Священный Синод дал разрешение на ввоз и распространение книг. Так встреча с приветливым англичанином под флагом «Библии» на парижской выставке стала для меня первым призывом к труду на ниве Божьей.

Благодаря моему положению в петербургском обществе мне удалось быстро раздать присланные Евангелия. А это побудило англичан прислать мне крупные суммы на приобретение отдельных книг Библии. По их плану я должен был покупать их у Священного Синода и рассылать по своему усмотрению (разрешение на ввоз 3 000 экземпляров было выдано лишь в виде исключения). В то время у меня было много знакомых среди помещиков, и они охотно принимали Слово Божье. Такое сотрудничество с Британским библейским обществом продолжалось много лет.

В 1870 году в столице России проводилась первая Мануфактурная выставка. Члены Британского библейского общества попросили меня получить разрешение на строительство

выставочного павильона для демонстрации Библий, а также на их распространение. Священный Синод полностью одобрил это прекрасное начинание, пожелав однако, чтобы руководство этим мероприятием на этой исключительно русской выставке находилось в русских руках. Синод был готов выделить все средства, необходимые для строительства павильона и печатания книг, если я возьму на себя руководство.

На такой исход предложения англичан я никак не рассчитывал. Тем не менее я с радостью взял на себя руководство проектом. Архитектор, которому я доверил строительство павильона, превосходно справился со своей задачей. Фасад, возведенный в чисто русском стиле, притягивал к себе взоры посетителей. Над окошком раздачи красовались крупные литеры: «Свет Иисуса просвещает всякого человека». На переплете Евангелий мы напечатали слова «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасен будешь ты и весь дом твой» (Деян. 16:31).

В день открытия выставки у окошка раздачи побывали члены императорской семьи, все придворные и чиновники. Все они получили Евангелие. Всего на выставке на средства Священного Синода было роздано 62 000 Евангелий.

Я считаю своей обязанностью рассказать об этих событиях, чтобы показать, какую важную

роль сыграла в моей жизни встреча с членами Британского библейского общества и как Бог уже за четыре года до прибытия лорда Редстока в Россию подготовил почву для его служения и начала евангельского движения.

НАЧАЛО ДУХОВНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ

Э то был знаменательный 1874 год. Я был загружен всевозможными приглашениями, балами, посещениями театров и других мероприятий. Друзья и знакомые приглашали меня как хорошего певца на все свои светские вечера. В это время в Петербурге появился лорд Редсток. Одна благородная дама – госпожа Черткова, – познакомившись в Англии с часто упоминаемым позднее лордом Редстоком, обрела через него глубокое утешение в своей тяжелой жизненной ситуации. Найдя в Спасителе небывалое утешение после утраты двух любимых детей, она вернулась в Петербург, полная радости и любви к Господу, горя желанием свидетельствовать о Христе родным и друзьям, чтобы и они могли обрести это счастье. Именно она уговорила лорда Редстока приехать в Петербург.

Отношения между Россией и Англией в тот год были весьма напряженными. Лорда отговаривали ехать в Петербург, но он не прислушивался

к предостережениям. Он руководствовался гор-
ним, желая исполнить волю Божью.

Лорд Редсток не был сильным оратором, но его простые слова исходили из горящего сердца, проникая в сердце и совесть слушателей. В кругу моих знакомых пошла молва о новом «святом». Дамы высшего общества с насмешкой рассказывали мне, что он спрашивал обо мне и очень интересовался мной. Зная характер англичан, я был уверен, что лорд наслышан о моей деятельности и поэтому желает познакомиться со мной. И я оказался прав.

И вот наступил день нашего знакомства. Он стоял передо мной – не просто английский лорд, а человек, живущий в личном общении с Иисусом, абсолютно уверенный в богодухновенности всей Библии. Это произвело на меня глубокое впечатление. Его простая, по-детски искренняя любовь ко Христу и Слову Божьему поражала всех. Вся его личность была пронизана искренней, глубокой верой в Спасителя. Он подчинялся Слову Божьему, как ребенок подчиняется воле родителей. Я до того никогда еще не встречал христианина, который с такой усердной любовью старался бы убедить меня на основании Евангелия в том, что Христос спас меня от вечной гибели, пролив за меня кровь на кресте.

Один из первых вопросов, заданных мне лордом, звучал так:

– Вы верите, что вы спасены?

Мой ответ был отрицательным:

– Здесь на этой земле никто не может знать, спасен он или нет. Мы узнаем это только на небесах.

– Для кого же написано Слово Божье? – спросил лорд. – Для жителей неба или для людей на земле?

– Конечно, для людей, живущих на земле, – ответил я.

Тогда лорд начал приводить один текст Библии за другим, доказывая, что верующие в Иисуса имеют уверенность в том, что Он понес наши грехи на крест и что вечная жизнь дана нам не по нашим добрым делам, а только благодаря Его жертве на кресте. Христос стучался в дверь моего сердца, прося впустить Его.

Вечером 5 марта 1874 года, когда после собрания уже все разошлись, мы решили еще немного пообщаться с друзьями у меня дома. Это были флигель-адъютант императора барон М., лейб-медик императора доктор К., университетский профессор А. и лорд Редсток. В тот вечер я просил друзей молиться обо мне: я искренне хотел посвятить жизнь Господу, но никак не мог решиться на этот важный шаг.

В моем сердце разгорелась борьба. Казалось, сатана всеми силами пытался удержать меня от посвящения Богу. Враг нашептывал: «Ты

возбужден. Успокойся. Ты пожалеешь, если обратишься сейчас к Христу. Это будет концом твоей карьеры. Ты потеряешь доверие и благосклонность императора, который тебя так любит. Ты огорчишь родителей, а ведь ты – их единственный сын».

Одним словом, сатана так много нашептывал мне в этот момент, что я видел перед собой только путь в монастырь или жизнь отшельника. Но Бог внял молитве моих друзей. И вдруг я как бы услышал голос, спрашивающий: «Где истина?»

И мне стало ясно, что истина не может быть на двух разных сторонах. В Слове Божьем не могло быть и тени неправды. Христос есть истина, и Он говорит: «Придите ко Мне, все измученные и обремененные, и Я успокою вас».

Христос звал и меня. Он открыл мне глаза моего сердца. Мне стало ясно, что Он действительно взял на Себя мои грехи, что я могу обрести вечное спасение кровью Иисуса и это спасение совершенное, оно дается раз и навсегда. Поняв это, я воскликнул: «Я прихожу к Тебе, Христос! Такой, как я есть!»

Бремя, словно тяжелый камень, свалилось с моих плеч, и я его никогда больше не ощущал. Дух Божий засвидетельствовал моему духу, что я принят в Божью семью, что я – чадо Божье. Пережив рождение свыше, я начал возрастать в познании

моего Спасителя. Вся моя жизнь была теперь посвящена Ему, и я во всем старался следовать Ему.

В тот же год покаялись и полковник Василий Александрович Пашков, и граф Алексей Павлович Бобринский, бывший в то время министром путей сообщения.

Пашков был одним из богатейших людей России своего времени. Он служил в кавалергардском полку, его отец был настоящим боярином. Пашков имел великолепный дом в Петербурге, с огромными залами, где на пышных балах часто собирались члены высшего общества и императорской семьи.

Полковник Пашков получил прекрасное образование, но вопросы религии его не интересовали. Услышав в 1874 году о приезде лорда Редстока, он уехал в Москву, чтобы избежать знакомства с ним. Жена Пашкова познакомилась с лордом еще в Англии и через него уверовала. Пашков не отказывал жене в невинном удовольствии приглашать знакомых, чтобы послушать «странного святого». Лишь бы его самого не трогали.

Каково же было его удивление, когда, вернувшись из поездки, он увидел свет во дворце и узнал, что английский лорд проводит вечернее собрание. Войдя из вежливости в залу, он еще в тот же вечер был побежден Словом Божьим. Это произошло в тот же год и в тот же месяц,

в который и я познал Иисуса Христа через проповедь и свидетельство лорда Редстока. И хотя полковник Пашков был на десять лет старше меня, мы вскоре подружились, и он стал моим лучшим другом. Мы исповедовали друг другу наши грехи, обличали друг друга в ошибках, следуя рука об руку за Христом. Мы ничего не скрывали друг от друга, наша дружба продолжалась до самой кончины полковника. На смертном одре, уже не в состоянии говорить, он еще крепко пожал мне на прощание руку: до встречи там, в небесах, где мы увидим нашего Господа Иисуса Христа.

Граф Бобринский принадлежал к одной из древнейших аристократических семей России. Он имел большое родовое имение в Богородицком уезде Тульской губернии, обладал независимым, бесстрашным характером, был в расцвете сил, образованный, наделенный большими способностями, прирожденный государственный деятель с либеральными взглядами. Но... неверующий. Приверженец философа Гартмана.

В 1864 году в одной деревне на юге России произошло восстание, вызванное несправедливыми и жесткими мерами правительства. Один невиновный штундист, против которого велась травля ревнивым духовенством, был без всяких допросов высечен розгами, что

послужило поводом к возмущению. Для смирения восставших император направил туда своего флигель-адъютанта графа Бобринского, наделив его неограниченными полномочиями и правом применить силу.

Граф прибыл в сопровождении трех вооруженных полков и окружил деревню. Вдруг к ним явился старик-посланец и попросил принять его. Граф Бобринский узнал в нем старого знакомого – фельдфебеля полка, в котором он когда-то начинал военную службу. Фельдфебель всегда верно служил ему.

Низко поклонившись, старик сказал:

– Ваше сиятельство, позвольте мне просить вас не проливать кровь. Дайте нам два дня на размышление, пусть люди одумаются и успокоятся без кровопролития.

Граф пообещал подождать два дня. Из Петербурга прислали телеграмму, что император недоволен неприменением силы, но граф сдержал данное им слово. Явившиеся на третий день крестьянские посланцы выразили желание заключить мир. Пусть только император помилует зачинщиков, а они готовы пообещать под присягой, что в их деревне наступит мир.

Граф поверил людям, простил их от имени императора и дал обещание, что никто не будет наказан. Его миссия была выполнена, в деревне наступил покой и мир. Когда граф выезжал из

деревни, все повстанцы провожали его с пением духовных гимнов.

В 1874 году – к началу петербургского пробуждения – граф Бобринский был назначен министром путей сообщения. Он заметил сильное изменение в поведении друзей и знакомых, и это преобразование вызывало в нем удивление и досаду. Он начал посмеиваться над ними, называл их фанатиками и обещал письменно доказать, что Библия полна противоречий. Однажды вечером граф встретился с лордом Редстоком у своих знакомых. Лорд, по своему обыкновению, спросил:

– Граф, вы спасены?

Ответ был вежливым, но отрицательным и весьма неопределенным. Спустя несколько дней они снова встретились. В этот раз лорд решил воспользоваться возможностью и обстоятельнее поговорить с графом. Желая отделаться от назойливого англичанина, Бобринский сказал:

– Я должен признаться, что в Библии много противоречий.

Лорд Редсток возразил:

– Прошу вас назвать мне эти противоречия!

– Я могу их вам назвать, но не сразу, – ответил граф. – На это мне понадобится время.

Несмотря на то что он как министр был очень занят делами по службе, тем не менее решил

сдержать свое слово и делал эту работу ночью. До трех часов утра граф сидел над Библией в поисках высказываний, казавшихся ему противоречивыми.

В условленное время граф Бобринский пошел к лорду Редстоку, абсолютно уверенный в своей победе. Однако во время их беседы произошло что-то необъяснимое, как он сам потом вспоминал. Повторю его собственные слова: «Каждый стих из Библии, который я приводил для утверждения своей правоты, обращался стрелой против меня. Во время нашей беседы я почувствовал силу Святого Духа. Я не мог объяснить, что со мной произошло, но это было рождение свыше».

И действительно, с этого дня граф стал новым человеком и ревностным защитником верующих. «Невозможное людям возможно Богу» (Лк. 18:27). Отныне граф Бобринский с полным убеждением считал Библию богодухновенной и был счастлив и радостен, имея уверенность в спасении крестной смертью Иисуса Христа.

В 1875–1876 гг. граф Бобринский находился в Москве. Прошло одиннадцать лет со времени упомянутого выше восстания. И вдруг к нему пришли два молодых человека из той деревни и попросили принять их. Оказалось, что это сыновья помилованных графом повстанцев. Молодые люди были посланы к нему штундистами,

чтобы поблагодарить его и сказать, что церковь постоянно молится за него с тех пор, как он уехал из их деревни.

– Мы пришли спросить, приняли ли вы Христа своим личным Спасителем?

Тронутый до слез, граф ответил:

– Я ваш брат во Христе, – и обнял их.

– Значит, Бог действительно услышал наши молитвы! – радостно воскликнули посланники. – Мы расскажем это всем, кто молится о вас!

Позднее граф больше занимался хозяйством в своих поместьях, живо и искренне свидетельствуя о Христе своим подчиненным. Последние годы своей жизни он провел больной в Ницце и там тихо отошел к Господу.

Всеобщее внимание привлекло обращение ко Христу молодой княгини Ливен, супруги обер-церемониймейстера императорского двора. Она строго придерживалась православной веры, в то время как ее муж не особо интересовался вопросами религии. Однако, уверовав в Христа как личного Спасителя, она заразила своим радостным дерзновением и мужа, и супруги открыли свой дом и прекрасные залы для зародившегося духовного движения. Как позже выяснилось, это было видимым водительством Божиим.

Полковник Пашков стал мужем молитвы. Он вел обширную переписку, посещал больных,

узников, проводил почти каждый вечер собрания, поздно ложился и рано вставал. Но, несмотря на все это, он часто по два часа проводил в молитве и чтении Слова Божьего. Подчинив свою волю воле Божьей, Пашков видел в этом осуществление Слова Божьего: «Ему должно расти, а мне умяляться».

Да, его «я» все больше отходило на задний план, а Христос все больше овладевал его жизнью, производя в нем и хотение, и действие во славу Божью. Пашков научился у Иисуса быть кротким и смиренным сердцем (Мф. 11:29).

Его общение с Христом было простым и непринужденным, но тем не менее он входил в это святилище с трепетом и благоговением перед Богом (2 Кор. 7:1). Василий Александрович Пашков был скромнейшим из всех людей, которых я когда-либо знал, и на редкость самоотверженным. Несмотря на то что он в 1874 году стоял во главе евангельского движения, ему и в голову не приходило, что он является его лидером. Пашков держался в тени, его «левая рука не знала, что делает правая» (Мф. 6:3). В нем отражалась любовь Божья, я видел в нем осуществление слов апостола: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

В общении с людьми Василий Александрович не знал лицепрятая. Поэтому Господь и мог так много сделать через него. Его уважали и знатные,

и незнатные этого мира, и даже Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, уважал его как христианина. Встретив Пашкова однажды за границей, Победоносцев обнял его, продолжая тем не менее считать его опасным для православной России.

Из многочисленных событий, пережитых полковником во время его деятельности, я хочу передать здесь только два.

На юге России, вблизи Одессы, жила небольшая группа анархистов, к числу которых принадлежал один очень умный и способный молодой человек. Видимо, он не совсем разделял взгляды своих товарищей, вследствие чего они боялись предательства с его стороны. Заманив этого молодого человека в глухое местечко, анархисты ударили его по голове, так что он потерял сознание, и облили лицо, грудь и руки купоросом. В таком полумертвом состоянии его нашла полиция. Зная, что Горинович – так звали молодого человека – принадлежит к группе анархистов, его отправили в следственную тюрьму в Петербург. Там велись судебные разбирательства по делам политических узников. Гориновича поместили в тюремную больницу. Василий Александрович Пашков часто бывал в этой больнице. Ему показали этого изуродованного юношу: глаза, рот, губы, уши и вся голова были выжжены

купоросом. На нем был чепчик, покрывавший раны. Говорить он почти не мог.

С глубоким состраданием и невероятной любовью Пашков рассказал несчастному молодому человеку Благою весть о спасении во Христе. Горинович принял Господа и стал орудием Божиим во спасение многих. Он являл собой потрясающее зрелище: вся голова была черная, но это не мешало ему сразу после своего обращения свидетельствовать о Христе. Суд полностью оправдал юношу, так что он, выздоровев, мог свободно благовествовать.

В 1870 году в Петербурге жил один холостой гражданин С. Прочитав разные жизнеописания отшельников и святых, он решил стать их последователем. Этот человек хотел стать святым, чтобы люди почитали и восхваляли его как праведника. Но, несмотря на все свои старания, он не замечал в себе никаких успехов, оставаясь по-прежнему рабом греха и вожделиний. Тогда, чтобы достичь цели, этот человек решил пойти в монастырь. Он бичевал себя, пытаясь умертвить свою плоть, мало спал, много постился, посещал все богослужения, в церкви часами стоял на коленях на холодных каменных плитах, читая молитвы. Безуспешно. Внутренний его человек оставался без изменений. Холостяк видел жизнь монахов – нередко себялюбивых, гордых, завистливых, лукавых.

Одним словом, он не видел ни в одном из них нового человека. Не будучи еще облаченным в монашеские одежды, этот человек покинул монастырь и вернулся в Петербург, так и не став святым.

Не имея достаточно средств для того чтобы жить без заработка и труда, он открыл в пригороде небольшую табачную лавку. Однако дохода лавка не приносила, так что денег иногда едва хватало на еду. В один пасмурный день в лавку вошел двенадцатилетний мальчик, чтобы купить сигареты. Хозяин лавки увидел у него в кошельке сторублевую купюру. И тут на него нашло искушение украсть эту купюру. Не в силах отделаться от навязчивой мысли, он сумел приманить мальчика. Немного погуляв по городу, они решили зайти на чашку чая в убогую квартиру С., расположенную рядом с его лавкой. Зайдя в комнату, С. захлопнул дверь и набросился на мальчика, чтобы отнять у него сторублевую купюру. Мальчик закричал, С. в замешательстве схватил нож со стола и со страху перерезал мальчику горло.

В ужасе от содеянного, С., взяв револьвер, пустил себе пулю в грудь и, потеряв сознание, упал на пол. Какой ужасный конец для человека, желавшего стать святым! А причина такого конца? Духовная гордость. Ведь он хотел стать святым, чтобы люди почитали его.

Гражданина С. поместили в следственную тюрьму. Врач, удалив пулю из раны, перевязал ее, но С. срывал с себя все повязки, лекарства не принимал и только повторял:

– Я не хочу жить, я хочу умереть!

Никто не мог с ним справиться. Пашков часто посещал эту тюрьму, и надсмотрщики знали его благотворное влияние на узников. Они предложили врачу позвать полковника. Пашкову было отправлено сообщение, и он немедленно явился. Узник С. лежал словно мертвый. Рядом стоящие думали, что он уже не в состоянии понимать сказанное Пашковым. Василий Александрович присел у кровати и начал с присущей ему любовью тихим, взволнованным голосом читать из 15-й главы Евангелия от Луки стихи 4–7. Приведу здесь лишь 4-й и 5-й стихи: «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью».

Прочитав эти слова, Василий Александрович сказал:

– Друг мой! Иисус Христос – наш Добрый Пастырь. Он ищет пропавшую овцу. Он пришел, чтобы спасти погибших.

– Что? – воскликнул С. – Иисус пришел, чтобы спасти погибших? Так ведь я – погибший!

– Да, Иисус пришел, чтобы спасти и вас.

– Но мои грехи! Мои ужасные грехи! Ведь я убийца и самоубийца, – в слезах произнес С.

– Послушайте, – продолжал Василий Александрович, – что говорит вам Слово Божье: «Если будут грехи ваши как багряное – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис. 1:18); «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Ин. 1:7).

С. слушал с напряженным вниманием. Казалось, он слушал Благою весть спасения, как голос с неба. Услышанное превосходило его разум, было таким новым и невероятным, что было страшно в это поверить. Вдруг он глубоко вздохнул и с волнением произнес:

– Безумец я окаянный! Только сейчас я понял, куда привела меня гордость, когда я собственными усилиями хотел служить Царству Божьему. Впервые в жизни я слышу, что Христос зовет меня к Себе, меня, проклятого грешника. Скажите, это не будет слишком дерзко с моей стороны – поверить в такую безграничную, превосходящую человеческий разум милость Божью и в то, что Христос еще примет меня, проклятого преступника, и даст мне спасение?

Пашков ответил:

– Христос говорит вам: «Приходящего ко Мне не изгоню вон».

– Боже мой! Действительно Христос пришел, чтобы спасти погибших. Вот я, погибший, осмеливаюсь быть помилованным и спасенным во Христе. Это чудо из чудес!

В палате наступила абсолютная тишина. Склонившись на колени у постели больного, Пашков, взяв его руки в свои, молился перед престолом Божиим и благодарил Иисуса Христа за спасение заблудшего грешника. Когда он встал с колен, больной со слезами обратился к врачу, сказав:

– Теперь вы можете делать со мной, что хотите. Я готов продолжать жить, если на то есть воля Божья.

Рана скоро зажила, и С. мог предстать перед судом. Он открыто признался в совершении преступления. Его глубокое раскаяние и чистосердечное признание заставили судей заменить смертный приговор пожизненной ссылкой в Сибирь. С. был рад этому решению суда – он радовался, что Бог еще оставил его жить на этой земле и он может быть живым свидетельством любви Божьей, которую ему дано было познать во Христе Иисусе.

Во время пребывания С. в Сибири Пашков посылал ему Новые Заветы, которые тот распространял среди ссыльных. Пользуясь доверием начальства, он мог свободно свидетельствовать о своем Спасителе – не только словами, но и делом.

Василий Александрович Пашков был благословенным орудием в руках Божьих, способным вытягивать людей из пропасти греха и приводить их к Христу. Себя самого и все свое имущество он посвятил Господу. Последний год своей жизни Пашков, больной и слабый, провел в Париже. В феврале 1907 года Василий Александрович тихо отошел в вечные обители.

Получив телеграмму с сообщением о его близкой кончине, я поехал в Париж. Застав Василия Александровича еще в полном сознании, я смог с ним и его семьей еще раз вместе прославить Господа на этой земле.

Похороны состоялись в Церкви Святого Мартина в Париже. Пастор Моно, благословенное орудие Божье во Франции, выступил с траурной речью перед многочисленными гостями из всех сословий и стран. Гроб перенесли из храма в склеп под зданием церкви, где я имел возможность сказать моему незабываемому другу последнее прощальное слово.

БЛАГОСЛОВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ

Незнакомая нам прежде радость спасения во Христе заставляла нас делиться ею с другими людьми и «не ставить свечу под сосудом» (Мф. 5:15). Во всех домах уверовавших владельцев проводились собрания. Полковник Василий Александрович Пашков сразу после покаяния открыл для благовестия свой прекрасный дом-дворец с просторными залами. Вначале на собрания приходило лишь немного людей, но впоследствии посетителей было так много, что в доме едва хватало места.

Однажды вечером, незадолго до нашей высылки, собралось так много людей – среди них также и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, – что пришлось открыть и зал на нижнем этаже, и я проповедовал там Евангелие. Позднее лакей сказал мне, что в этот вечер собралось более 700 человек. Естественно, толпы людей, выходящих из дома, не могли не привлечь к себе внимания. Прохожие спрашивали, что произошло, и слышали в ответ:

– В доме Пашкова проходят собрания.

И было сразу ясно, что это были христианские собрания. Число посетителей росло, и вскоре эти встречи стали называть «пашковскими собраниями».

Благословенные, многолюдные собрания проводились и в большом прекрасном доме княгини Ливен. Для Петербурга это было нечто совершенно необычное: миряне, не имеющие богословского образования, говорили о любви Христа и проповедовали Слово Божье, и очень много людей приходили их послушать.

В первые годы евангельского движения мы не встречали сопротивления ни со стороны правительства, ни со стороны духовенства. Все уверовавшие могли свободно и беспрепятственно свидетельствовать словом и делом о том, что Христос дает новую жизнь и делает мертвое живым. Библия стала воистину живым Словом Божьим. Многие верующие из высших кругов получали доступ к тюрьмам. Бывший в то время градоначальником генерал Трепов разрешал и поощрял посещение тюрем. Как член Тюремного комитета я мог свободно и беспрепятственно проповедовать узникам Благую весть спасения.

Приведу лишь один пример, как люди из простого народа и члены высших кругов могут иметь искреннее общение друг с другом. Однажды я посетил княгиню Ливен, которая

езде и всегда благовествовала о своем Спасителе. Мы вошли в большой зал: потолок опирался на четыре малахитовые колонны, помещение было обставлено роскошной мебелью. Почувствовав сильный запах конюшни, я невольно произнес:

- Как странно, что здесь так пахнет конюшней!
- Вовсе не странно, – заметила княгиня.
- Здесь только что состоялось молитвенное собрание, в котором участвовали все наши кучера. Мой дом принадлежит моему Спасителю, а я – всего лишь домоуправляющая.

О, если бы все дети Божьи имели такое отношение к земным благам, то слепой мир скоро бы прозрел и увидел, что молитвенное общение детей Божьих преодолевает и неприятные запахи, и эти запахи не мешают им преклонить колени среди малахитовых колонн. Запах конюшен в зале сказал мне больше, чем могла сказать самая блестящая проповедь.

Не только княгиня Ливен и полковник Пашков, но и другие дети Божьи открыли свои дома. Практически во всех квартирах верующих проводились молитвенные встречи и библейские вечера. Даже к нам, в нашу небольшую квартиру, люди приходили без приглашения. Часто стульев в столовой и скамеек на кухне не хватало для того, чтобы посадить всех собравшихся. Мы были свидетелями многих неожиданных покаяний.

Люди впервые слышали весть о спасении через крестную смерть Иисуса Христа.

Мой друг Пашков имел еще один дом на Выборгской стороне. Он оборудовал его под дешевую столовую, и многие студенты ходили туда обедать. Пашков и там проповедовал Евангелие на собраниях и в индивидуальных беседах.

В то время в Петербурге было еще много извозчиков. Нередко они приезжали со своими дрожками туда из деревни на заработки, предлагая свои услуги. Они снимали общую квартиру с общей кухней и общей конюшней. Извозчики попросили нас посетить их с благовещием. Они пригласили соседей и друзей, и когда мы приехали к ним, квартира была настолько переполненной, что и выступающим, и гостям пришлось стоять. Собрания повторялись, люди задавали вопросы, очень охотно слушая Слово Божье.

В то время я служил секретарем при племяннице царя, выполнявшей функцию председательницы Дамского тюремного комитета. Мне приходилось часто ездить в разные тюрьмы города, и я пользовался возможностью побеседовать с извозчиками. Зимой это было очень просто: легкие, небольшие сани легко и бесшумно скользили по мягкому снегу.

Одна такая встреча с извозчиком оказалась для меня весьма значимой. Устроившись в санях, я начал беседу:

– Ты веришь в Иисуса Христа?

Этот неожиданный вопрос явно озадачил извозчика. Он ответил не сразу. Обернувшись, он посмотрел мне в глаза, желая, наверное, убедиться, что вопрос был задан серьезно, поскольку он сказал:

– Ты видишь сбрую моих коней, ты видишь вожжи, ты видишь узду!

– Я тебя не об этом спросил, – возразил я.

– Но это мой ответ на твой вопрос. На этом примере я хотел показать: так же, как ты видишь перед собой упряжь моих коней, так для меня вера в Иисуса Христа – нечто само собой разумеющееся.

В ходе последующей беседы он излил мне свою душу, и мы имели прекрасное общение. Не буду повторять все подробности, скажу лишь только, что извозчик был раньше пьяницей, но чудом Божиим стал новым человеком. Мы подружились, и он попросил меня посетить извозчиков в их общей квартире и благовествовать им о Христе, на что я с радостью согласился. В условленное время все собрались, и, поскольку приглашены были только извозчики, стульев хватило всем.

Не помню, о чем я проповедовал. Помню только, что посреди моего выступления извозчик, пригласивший меня на встречу, дернул меня за полу сюртука. Я сразу понял, что что-то

в моих словах неясно или неверно. Такие однозначные намеки повторились еще два раза. Это настолько смутило меня, что я вскоре закончил свою речь. Прежде чем уйти, я спросил:

– Что ты хотел мне сказать, дергая за полу?

– Выражайся яснее, когда говоришь о спасении. Твои высказывания были недостаточно четкими.

Такая открытая, братская критика была для меня знаком Божиим. Я принял замечание этого просвещенного Богом извозчика как один из самых важных советов, и по сей день каждый раз, говоря о бесценном спасении, я вспоминаю это замечание: «Говори яснее». Этот простой человек стал для меня профессором практической теологии, дав мне больше, чем могли дать наивысшие познания богословской догматики.

Однажды я беседовал с одним из извозчиков о воскресеньях как дне покоя.

– Мои товарищи работают по воскресеньям, зарабатывая много денег, – сказал он. – Но мне важнее быть послушным Богу. С тех пор как я перестал работать по воскресеньям, я не бедствую. А Бог заботится даже о моей лошадке. У меня всего лишь одна лошадь, и поскольку теперь у нее тоже есть один выходной в неделю, она окрепла и стала более здоровой.

Это был мой второй профессор по практической теологии.

Приведу еще один пример. Летом, когда мы жили в деревне, наш дом находился под управлением и наблюдением одного простого солдата. Я дал ему Новый Завет. Зайдя как-то к нему в будку, я увидел, как он, стоя на коленях, читает Евангелие.

– Возьми себе стул, – сказал я ему.

Он ответил:

– Ваше сиятельство, Слово Божье хорошо читать на коленях.

На это я мог лишь коротко ответить:

– Ты прав!

Какую глубокую истину выразил этот простой солдат! Вот бы нам всегда так преклоняться перед Богом! Тогда мы действительно читали бы Слово Божье на коленях. Давайте преклоним перед Словом Божьим наши духовные колени и будем читать его с молитвой, как научил меня мой третий профессор практической теологии!

Вспоминаю еще один случай. Это было в те же годы пробуждения, когда нас называли редстоковцами. Генерал С., один из моих старейших знакомых, который знал мою духовную позицию, встретив меня однажды, отозвал в сторону. Он хотел рассказать мне о чем-то, что он пережил и что произвело на него сильное впечатление, думая, что это будет интересно и мне:

– Идя сегодня по Невскому проспекту, я увидел одного крестьянина. Он стоял на коленях

перед лютеранской церковью и молился. Мне стало жаль этого благочестивого православного человека, стоявшего в таком положении перед чужой церковью. Подойдя к нему с большим почтением, я шепнул ему на ухо: «Это не наша церковь. Ты не там преклонил колени!» – «Что вы говорите?» – возразил он, не вставая с колен. Затем, указав на крест, сияющий на церкви, сказал: «Ваше превосходительство, но крест ведь один и тот же!» Должен вам признаться, поскольку вы интересуетесь религиозными вопросами: неожиданный ответ крестьянина пристыдил меня, и я молча и тихо покинул этого простого молящегося человека. Своим ответом он расширил мой духовный горизонт.

– В ответе этого простого, необразованного человека кроется весьма глубокая истина, – согласился я с ним. – Эти слова напоминают мне молитву моего Спасителя: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл младенцам!» (Лк. 10:21).

Господь открывает духовные очи простых людей, чистых сердцем, утаивая это от мудрых мира сего. Какая чудесная теология скрывается в словах этого простолюдина! Ведь наше спасение совершилось на кресте. Там нет никакого разделения. Во Христе мы, верующие, имеем полное единство. К сожалению, многие христиане оцепивают комара, а верблюда поглощают.

Многие тратят время на мелочи, «а одно только нужно, – говорит Христос Марфе. – Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее».

Здесь я должен отметить, что мы, уверовавшие через лорда Редстока, весьма мало разбирались в Библии. В частности, Ветхий Завет нам совсем не был знаком. Как истинные русские мы знали, конечно, Евангелия, а также Псалмы из Ветхого Завета. На этом наши познания и заканчивались. В Православной церкви хоть и читались послания апостола Павла, но поскольку это делалось не священником и не дьяконом, а пономарем, то послания считались не такими важными.

В нашей первой любви к Господу мы дерзновенно свидетельствовали о Христе, будучи, однако, младенцами в познании Слова Божьего. Поэтому полковник Пашков пригласил в Петербург известного в христианских кругах Божьего человека Отто Штокмайера. Штокмайер пробыл в российской столице несколько недель, проводя беседы на французском языке в пашковском доме, а также проповедуя в евангелических церквях. В общении со Штокмайером мы многому научились. Особенное значение для нас приобрела тема святости. Лорд Редсток тоже приезжал еще раз в Петербург, но такого всеобъемлющего пробуждения, как в его первый приезд, уже не было.

После посещения Штокмайера в Петербург был приглашен и бывший уже в преклонном возрасте Георг Мюллер из английского города Бристоль. Думаю, что это было в 1880 году. Мюллер провел в Петербурге три зимних месяца. Мы высоко ценили этого брата, Бог обильно благословил нас через него.

Отто Штокмайер и Георг Мюллер помогли нам, детям Божьим, возрастая в познании нашего Спасителя, святости и посвящении Богу. Георг Мюллер проводил раз в неделю в нашем доме изучение Библии на немецком языке. Эти встречи носили частный характер, и мы задавали много вопросов. Помню, как однажды в конце такого библейского разбора он сказал мне:

– Я поражаюсь, какие детские вопросы мне здесь задают.

Я вовсе не был удивлен таким замечанием. Многие из нас вообще не знали Библию, и, если нам что-то было непонятно, мы не стеснялись спрашивать. Ведь нам хотелось быть послушными детьми Божьими и жить по Священному Писанию.

ВИЗИТ К ШТУНДИСТАМ

Летом 1874 года, вскоре после начала духовного пробуждения в России, я поехал в Киев, чтобы познакомиться с евангельским движением в этой губернии. Здесь я должен сказать несколько слов о возникновении штундизма. В начале пятидесятых годов XIX столетия был впервые сделан перевод Нового Завета на русский язык, и, естественно, люди начали читать его.

В то время в немецкой колонии Рорбах жил лютеранский пастор Бонекамп – богобоязненный священник, пользующийся любовью и уважением русских людей. Владея русским языком, пастор с усердием распространял Евангелие. Через него уверовал и его работник по фамилии Рябошапка, ставший ревностным проповедником Благой вести о прощении грехов в драгоценной крови Христа, пролитой на кресте. Его искренняя любовь к Христу трогала сердца людей из простого народа, и жители деревни приходили послушать его, удивляясь тому, что духовенство не гово-

рит им эту Благую весть. Естественно, число прихожан в церквях тех мест, где появлялись штундисты, уменьшалось. Люди начинали самостоятельно знакомиться со Словом Божьим и молиться не заученными молитвами, а своими словами.

По мере распространения штундизма духовенство начало принимать серьезные меры, представляя его как опасное для существования империи и Православной церкви учение. Штундистов клеймили и в церкви, не давая им поцеловать крест, как это принято в Православной церкви, где после литургии все прихожане подходят к священнику и целуют крест в его руках. Естественно, что после таких мер штундистов уже не тянуло в церковь.

К штундистам направляли священнослужителей, пытавшихся доказать им все преимущества Православной церкви. Им напоминали, что император является покровителем церкви и она не может заблуждаться. Чтение Слова Божьего без учителей чревато опасностью впасть в заблуждение.

Ревностного штундиста Рябошапку выслали из колонии Рорбах и отправили назад – в родные места, но и там его усердие не уменьшилось. Напротив, число верующих росло. Ссылка лишь способствовала распространению Слова Божьего.

По пути в Киев я остановился в Москве с целью познакомиться с архимандритом Михаилом, который в то время руководил Духовной академией и издал замечательный Новый Завет с объяснениями в чисто евангельском духе. Он принял меня весьма любезно, радуясь возможности услышать от очевидца подробности о деятельности лорда Редстока. Переполненный радостью спасения и пламенея первой любовью, я засвидетельствовал ему о Христе. Выслушав все подробности моего покаяния, он сказал мне нечто, чего я никогда больше ни от кого не слышал. Передам вкратце его слова: «Я прекрасно понимаю вас и разделяю с вами вашу радость. Я очень рад за вас, что вы поняли, что Иисус Христос искупил вас и что вы теперь спасены Иисусом Христом. Но вы теперь не православный. Ну так что же?! Приведу вам слова апостола Павла. В Послании к филиппийцам он говорит: „Но что из того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться“ (1:18). Если апостол Павел радовался тому, что Христа проповедают неважно каким способом, то и я могу и имею право радоваться тому, что вы познали Христа».

Читатель может себе представить, какое неизгладимое впечатление произвели на меня слова православного архимандрита.

По прибытии в Киев я посетил губернатора, с которым познакомился ранее в Петербурге, и рассказал ему о цели моей поездки. Он посоветовал:

– Убедительно прошу вас не ехать к штундистам. Учítывая ваше положение при царском дворе, крестьяне подумают, что ваш визит является благосклонным шагом со стороны правительства в смысле предоставления им свободы вероисповедания.

В ответ на это я почтительно сказал:

– Но ведь я имею право путешествовать по всей России?

– Если вы непременно желаете посетить штундистов, то я прошу вас сделать это под другим именем. Я дам вам сопроводительное письмо к местным властям. В нем я напишу, кто вы, и укажу, что считаю нужным, чтобы вы в целях изучения штундистского учения путешествовали под чужим именем.

Мне надо было бы подчиниться этому предложению. Но у меня не было покоя на сердце, так как я любил истину и еще никогда не путешествовал под чужим именем. Поэтому я пошел к митрополиту и попросил у него совета.

Ответ митрополита был коротким и ясным:

– Я не вижу никаких препятствий в исполнении этого желания. Вы подчиняетесь правящей власти, так что совесть ваша чиста. Езжайте

к штундистам! Вы можете помочь этим людям, и я даю вам благословение на эту поездку.

Слова митрополита успокоили меня, я вернулся к губернатору и сообщил ему о моем согласии. Довольный, он дал мне тайное письмо к уездному исправнику.

Приехав в Козелковку, я сразу пошел к исправнику. Прочитав письмо, тот любезно спросил меня:

– Под каким именем вы хотели бы зарегистрироваться? Сегодня вечером я пригласил к себе крестьян, и вам наверняка будет интересно многое услышать о штундистах. Позвольте пригласить вас на этот вечер! Только не забудьте свое новое имя, прошу вас!

Я уже и в то время не отличался хорошей памятью. Боясь забыть, что я должен выступать не как граф, а как писатель из Петербурга – таково было предложение исправника, – я решил взять имя моей любимой собаки Боян (по имени древнерусского певца-сказителя), подаренной мне племянницей императора Александра II, великой княгиней Евгенией Максимилиановной Ольденбургской.

На следующий день исправник привез меня в деревню, где почти все жители были штундисты. Исправник велел всем собраться. Крестьяне пришли встревоженные, ведь они не знали цели этого полицейского приказа. Я сказал

им, что приехал, чтобы познакомиться с их религиозными принципами и чаяниями, и хочу побеседовать с ними. Мое предложение им понравилось, они бесстрашно отвечали на все мои вопросы. Я был рад услышать по их ответам, что они хорошо знали Слово Божье.

– Мы хотим не только знать Слово Божье, но и жить по нему, – заметил один крестьянин.

Исправник посоветовал мне во время путешествия по деревням посетить и одну штундистку, жившую около 20 верст отсюда. И мы поехали туда. Войдя в избу, мы обнаружили в ней чистоту и идеальный порядок, однако на стенах не было икон, а на столе лежала Библия. Исправник, расположившись на кровати, спокойно уснул, дав мне таким образом возможность иметь интересную беседу со штундисткой. Ей было 35 лет. Женщина совершенно не испугалась визита исправника. Она рассказала мне, что провела девять месяцев в тюрьме за Слово Божье, и это время стало для нее огромным благословением.

– Объясните мне это благословение, – просил я.

– Нас было десять женщин-штундисток в селе, – начала она свое повествование. – Мы собирались в наших избах для молитвы и чтения Слова Божьего. По настоянию духовенства пришла полиция и арестовала нас.

Вы спрашиваете, какое благословение я получила в тюрьме? Нас всех заключили в одну камеру, так что мы могли вместе молиться, а я к тому же еще и научилась там читать и писать. До этого я была безграмотной, а теперь могу самостоятельно читать Слово Божье. Разве это не благословение?!

Услышав ее чистое, искреннее свидетельство, я осмелился задать еще два вопроса, волновавших меня – новорожденное дитя Божье:

– Можно ли верующим детям Божьим танцевать?

– Я считаю, что танцы не подходят к детям Божьим, – заметила она. – Вы забыли, что в результате танца дочери Иродиады был убит Иоанн Креститель? – И она указала мне на 14-ю главу в Евангелии от Матфея, с 3-го по 11-й стихи.

Второй мой вопрос был аналогичного характера:

– Можно ли возрожденным ходить в театр?

– А что такое театр? Я еще никогда не слышала этого слова.

Я попытался объяснить ей, что такое театр, но она никак не могла себе представить, что бы это могло быть. Задумавшись, она процитировала 4-й стих из 4-й главы Послания Иакова, где говорится, что дружба с миром есть вражда против Бога.

Привожу эту беседу, чтобы показать, какое изменение переживают простые люди, познавшие прощение грехов кровью Христа, как они ненавидят грех, отворачиваются от всякого зла и стремятся вести безупречную жизнь.

Когда я уезжал из Козелковки, сопровождавший меня уездный исправник сказал мне на прощание:

– По тому, как вы обращаетесь со штундистами, я вижу, что вы имеете с ними одинаковые убеждения. И я вас хорошо понимаю. Лично я уверен, что если бы все жители моего уезда были такими, как штундисты, то я мог бы спокойно спать. Ведь среди них не случается никаких правонарушений, преступлений, убийств. Даже пьяных у них нет.

После моего возвращения из Таращанского уезда я еще некоторое время провел в Киеве. Здесь мне сообщили, что в Киевском монастыре держат в заключении двенадцать штундистов. Я поспешил к митрополиту спросить, правда ли это. На мой вопрос, действительно ли в монастыре сидят в заключении двенадцать штундистов, он сообщил мне:

– Они здесь, но я в этом не виноват – их прислал сюда губернатор.

Ничего на это не ответив, я попросил разрешения посетить заключенных.

– Я лично ничего против не имею. Вы можете посетить их.

Один из монахов проводил меня в келью штундистов и оставил наедине с ними. В келье находилось двенадцать крестьян, спокойно сидевших за столом.

– Почему вы здесь? – спросил я.

– Мы собирались по домам для молитвы и чтения Слова Божьего. Вдруг на одно такое собрание пришла полиция. Нас арестовали и привезли сюда. И вот мы уже несколько дней ждем, чтобы нас освободили, поскольку сейчас страдная пора и у нас много работы. Нас пытались заставить работать, но мы отказались, ведь мы не преступники. Монахи заходят к нам, пытаются переубедить. Но сами они Слово Божье не знают, а нас обвиняют в лжеучении и вероотступничестве.

Я не стал вдаваться в подробности, желая лишь показать им мою любовь. Не видя в келье кроватей, я спросил:

– А где вы спите?

Один старик показал рукой на охапку сена в углу комнаты:

– Вот наша постель.

Удивившись такой постели на двенадцать человек, я спросил:

– Как вас тут кормят?

На этот вопрос последовал многозначительный для этой печальной обстановки и в то же время удивительный ответ:

– Вот наш хлеб!

Один из штундистов почтительно положил руку на Библию. Слова простого штундиста глубоко тронули меня. Я молчал в священном почтении. Мы прощались как братья во Христе. Читатель может себе представить, в каком взволнованном состоянии духа я поспешил к губернатору с просьбой отпустить узников. Когда я выразил ему свое удивление по поводу того, что он держит под стражей двенадцать крестьян, то услышал следующий ответ:

– Освобождение этих штундистов зависит не от меня, а от митрополита, потому что их отвели в монастырь по инициативе духовенства.

Я сделал все, что мог, – обращался и к духовным властям, и к светским, – но все мои старания были напрасны. Опечаленный, я покинул Киев и вернулся в Петербург. Спустя некоторое время мне сообщили, что те двенадцать штундистов были освобождены.

Многое в жизни остается непонятным, так же, как и этот случай со штундистами. Но, несмотря ни на что, вера в искупление жертвой нашего Спасителя остается для нас непоколебимой радостью спасения. В Слове Божьем мы читаем: «...в Котором мы имеем искупление кровью Его и прощение грехов» (Кол. 1:14).

НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

До 1882 года мы занимались исключительно евангелизацией. И пока петербургским градоначальником был генерал Трепов, нам никто не чинил никаких препятствий. Приведу лишь один пример. Однажды в воскресенье в условленное время я пошел к извозчикам в их просторную, но грязную квартиру, расположенную в пригороде. Придя туда, я увидел в дверях полицейского в форме. Думая, что у полиции появились подозрения, я подошел к нему и сказал, что генерал знает о моих посещениях. Полицейский ответил:

– Меня направили сюда для поддержания порядка, и я сам пригласил людей на собрание.

Вот так обращалась с нами полиция во времена генерала Трепова. Его преемники однако заняли иную позицию.

По воскресеньям в доме Пашкова проводились двухчасовые собрания, на которые приходило очень много людей. Одно такое собрание я никогда не забуду. Это было 1 марта 1881 года.

После окончания проповеди мы стояли на коленях, когда вдруг в комнату вошел племянник Пашкова, офицер гвардейского кавалерийского полка. Протиснувшись к дяде, он что-то шепнул ему на ухо. Пашков вскочил и, произнеся громким, дрожащим голосом: «Император ранен!», снова опустился на колени. Его проникновенная, полная любви к императору и отечеству молитва напоминала молитву Даниила (Дан. 9:3–11). Такие молитвы не забываются. Никто не расспрашивал о подробностях преступления, Дух Божий вытеснил все земные интересы. Молитвы возносились к небу, а молчание между ними напоминало «безмолвие на небе, как бы на полчаса» (Откр. 8:1).

После собрания я сразу пошел домой, надел мундир и поехал во дворец, уже окруженный военными. Но, дойдя до внутренних палат, я узнал, что император – тот, кто принес миллионам людей освобождение от ига крепостного права, – умер.

Я просто обязан рассказать об этом нашем собрании 1 марта 1881 года, чтобы опровергнуть подозрения, распространяемые впоследствии многими нашими врагами, утверждавшими, что мы – опасная социалистическая партия, скрывающаяся под личиной христианства. В доказательство приводился стих из Писания, где говорится, что «должно повиноваться больше

Богу, нежели людям». Это слово вырывали из контекста, совершенно забывая, что оно было сказано последователями Иисуса. Ведь в предыдущих стихах мы читаем, что синедрион запретил апостолам свидетельствовать и учить о Христе, чему они не могли подчиниться.

Проводить большие собрания запретили, поэтому мы решили организовать в разных частях города швейные кружки, где можно было бы беспрепятственно благовествовать. Министр внутренних дел дал нам соответствующее разрешение, и мы могли два года проводить такие кружки. Однако и эта деятельность была запрещена вскоре после нашего изгнания из нашей любимой родины. Мы разделили Петербург на районы, каждым кружком руководила одна из сестер вместе с одной помощницей. Кроме того, они посещали больных в их жилищах. Руководителем в нашем районе была моя жена, ей помогала одна добрая, верующая сестра. Бедные женщины собирались в определенные дни и часы и занимались рукоделием. Я приходил к ним, читал им Слово Божье и свидетельствовал о моем Спасителе.

В те времена в Петербурге жил известный доктор фон Майер. Благодаря его неутомимым стараниям в городе была построена большая больница, ставшая образцовым медицинским учреждением. Уверовав, доктор фон Майер са-

моотверженно включился в организацию швейных кружков. Он взял на себя ответственность за всю финансовую сторону этого служения. Несмотря на свою многостороннюю деятельность, он участвовал и в проповеди Слова Божьего. Мы с женой никогда не забудем часы общения с этим человеком.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИССИЯ

В 1875 году одна верующая дама, госпожа А. фон Пейкер, начала вместе с дочерью издавать ежемесячный журнал «Русский рабочий». Материалы подбирались полностью в евангельском духе, так что журнал был очень ценным пособием в нашем служении.

Уже в 1876 году Пашков принял решение безвозмездно распространять трактаты духовного содержания, основанные на Священном Писании. Он обсудил это с братьями, которых в то время было немного. Мы составили устав и подали ходатайство. Власти удовлетворили ходатайство, и к нашей великой радости было учреждено «Общество поощрения духовно-нравственного чтения». Председателем был назначен, естественно, полковник Пашков, а меня назначили заместителем. Членами его были исключительно дети Божьи, так что «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» стало органом печати евангельского движения.

Пашков предоставил этому обществу один из залов в своем доме для хранения напечатанных изданий. И, помимо этого, он не жалел ни средств, ни сил, всячески поддерживая издательское служение. Таким образом было напечатано более миллиона трактатов. Большие проблемы нам доставляла духовная цензура. Несмотря на то что «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» имело разрешение правительства на свою деятельность, все наши печатные издания подвергались духовной или светской цензуре. Мне приходилось часто ездить в Александро-Невский монастырь, где располагался Комитет духовной цензуры. Нередко у нас с цензором происходили споры по богословским вопросам. Я пытался доказать ученому монаху, что его задача – не защищать православие, а лишь следить за тем, чтобы в издаваемой нами литературе не содержалось каких-либо опасных течений и направлений.

– Ваши трактаты пропагандируют учения Лютера, Кальвина, Цвингли, Уэсли. Они подрывают устои Православной церкви и поэтому опасны, – слышал я часто в ответ.

Несмотря на такое противостояние, Бог благословлял нас, и мы смогли напечатать и распространить множество трактатов. Однако это благословенное время длилось недолго. Спустя несколько лет свободы были введены серьезные

ограничения. Духовные власти решили теперь со своей стороны доказать непоколебимость и истину православного учения и назначили встречу для проведения открытой дискуссии с «еретиками» – так называемыми пашковцами. Выбрав день, когда меня и Пашкова не было в Петербурге, они пригласили на дискуссию двух братьев из простого народа: владельца селедочной лавки и торговца мукой. Религиозный диспут должен был состояться в воскресенье, а местом для его проведения был выбран самый крупный в городе манеж для верховой езды. Повсюду были развешаны пригласительные объявления.

Дискуссии на духовные темы были в то время в новинку, и люди стекались сюда со всех сторон. Манеж был переполнен. На установленную посередине площадку вышел монах – известный специалист по сектоведению – и стал задавать вопросы. Братья не были заранее ознакомлены с вопросами, но, наученные Духом Святым, они отвечали с такой любовью и с таким знанием Слова Божьего, что слушатели остались под приятным впечатлением. В конце диспута в публике раздавались такие замечания, как: «Пашковцы вовсе не такие опасные. Они знают, во что верят, и заслуживают уважения».

Другие говорили: «Удивительно, как хорошо эти простые люди знают Библию». Здесь уместно

привести слова нашего Спасителя: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Мф. 21:16).

Однако одним таким диспутом вражда против нас не ограничилась. В 1880 году протоиерей Янышев, ректор духовной академии, начал переписку с Пашковым, опубликованную на страницах журнала «Церковный вестник» – печатного органа Святейшего Синода. Ввиду большой важности этой переписки я счел необходимым добавить ее фрагменты к моим воспоминаниям. И я рад, что смог сохранить у себя эти документы (см. Приложение на с. 80 и далее). В своих письмах Пашков искренне и с дерзновением излагает свои убеждения, которые мы все разделяли. Такое исповедание веры объединяло верующих в Петербурге, показывая всем, насколько наша вера, наше упование основываются исключительно на Слове Божьем, а не на преданиях и традициях; на Слове, «полезном для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3:16).

Переписка имела место в 1880 году. Тремя годами раньше, когда начались преследования, в газетах и официальных изданиях Святейшего Синода был опубликован Высочайший рескрипт императора Александра II. В нем государь выражает искреннюю благодарность за завершение перевода Библии и молит Бога,

«да явит Он спасительную силу Своего Слова к преуспеянию православного русского народа в вере и благочестии».

Этот важный документ мне хотелось бы полностью процитировать. Поскольку я не имею его на русском языке, привожу здесь перевод с французского. К сожалению, номер «Церковного вестника» от 1877 года, в котором был напечатан рескрипт, я получить не смог.

***Высочайший рескрипт
Святейшему Правительствующему Синоду***

В 1856 году, при восприятии мною правительского венца, Святейший Синод в собрании своем в Москве, имея рассуждение о доставлении православному русскому народу способа к обильнейшему пользованию сокровищем Слова Божьего, признал необходимым перевести книги Священного Писания на русский язык. Приступив затем, с моего соизволения, к исполнению сего предположения, Святейший Синод непрерывно, в течение двух десятилетий, продолжал совершать оное с неослабною ревностью, просвещенным вниманием и с тою мудрою осмотрительностью, каких требовала высокая важность сего церковного и народного дела.

С окончанием ныне сего многолетнего и многосложного труда, во внимание к ожидаемой от него

духовной пользе паствы отечественной церкви, поставляю справедливым долгом выразить мою искреннюю признательность Святейшему Синоду, ознаменовавшему себя в совершении сего великого дела столь достойным подвигом.

Молю Бога, да явит Он спасительную силу Своего Слова к преуспеянию православного русского народа в вере и благочестии, на коих зиждется истинное благо царств и народов.

*Санкт-Петербург, 27 марта 1877 года
(подпись: Александр)*

Неисследимы пути Господни. Непроизвольно вспоминаются слова: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Притч. 19:21).

Странное противоречие: император публично одобряет перевод Священного Писания на русский язык, в то время как духовенство и полиция препятствуют распространению Слова Божьего.

ИСТИННОЕ ЕДИНСТВО

Читатель, возможно, спросит, почему мы не облекли нашу общину в какую-либо организационную форму.

Мы с Пашковым не раз задавались этим вопросом, однако Бог не показывал нам пути для его реализации. Мы опекали верующих, заботились о посетителях наших собраний, посещали больных, утешали, обличали, наставляли, причем Пашков считался старшим братом, а я его помощником.

Граф Бобринский жил в своем имении в Тульской губернии, но когда он приезжал в Петербург, мы всё обговаривали с ним.

Руководить братьями в Господе – нелегкое дело. Нам нередко приходилось вспоминать слова: «Будьте долготерпеливы ко всем» (1 Фес. 5:14). Поясню это на примере.

Пашков был в отъезде. Ко мне приходит один брат из рабочих, ревностный ученик Христа, сведущий в Слове Божьем, человек решительного характера, и говорит:

– Хочу сообщить вам, что моя мать обратилась к Господу и желает принять крещение. Мы собираемся крестить ее в Неве.

– Что? – воскликнул я. – В январе, в такое опасное для здоровья время года, тем более что матушка ваша в преклонном возрасте! (Его матери было 60 лет.) Я не могу дать вам на это согласия. Подождите до лета!

Но брат был другого мнения, и я не смог переубедить его преподать крещение на дому. Спустя несколько дней он вновь пришел ко мне:

– Господь позволил нам крестить мою матушку в Неве. Он согрел воду, и она совсем не простудилась. Матушка жива и здорова и весьма радуется.

Этот пример показывает характерную черту русского человека.

По мере роста движения пробуждения возрастали и враждебные настроения против нас. В марте 1884 года Господь положил Пашкову на сердце созвать верующих в России на конференцию, чтобы дать им возможность познакомиться и сотрудничать друг с другом.

Сидя в своем просторном кабинете, Пашков прочитал мне свое письмо-созыв и спросил:

– Не хочешь ли и ты подписать его?

Письмо было следующего содержания:

Санкт-Петербург, 24 марта 1884 года

Возлюбленные братья!

Наш Господь Иисус, посвятив Себя Церкви, готовился пойти на смерть, подобно пшеничному зерну упасть в землю и умереть, чтобы остаться не одному, но принести много плода. Перед смертью Он обратился к Своему Отцу с молитвой, в которой выразил свое завещательное желание.

Он молил Отца не только о первых учениках, последовавших за Ним, но и о всех тех, кто еще уверует в Него по слову их, говоря: «Да будут все едины... Да будут совершены воедино» (Ин. 17:21, 23).

Это завещание Христа, данное Церкви Христовой 18 столетий назад, до сего дня еще не исполнено. Бог всё еще ждет исполнения Его воли, выраженной так ясно, так неопровержимо и настоятельно, воли, бывшей предметом последних переживаний Иисуса в Его земной жизни.

Не кажется ли вам, дорогие братья, что долгом нашим как членов Божественной Его Церкви, исполненных одним Духом и составляющих в Нем одно тело, призванных в общение с Отцом и Сыном, является исполнение желания нашего Господа о единстве Тела Его? Не кажется ли вам, что наступило время исполнить желание

Главы Церкви? Если от нас и не зависит единство всех христианских религиозных течений, все же мы должны способствовать единству Церкви Христовой там, куда Господь поставил нас.

Посему, братья, предлагаем вам направить в Петербург делегата, которого Дух Божий поставил пастырем в вашей церкви, для совместного обсуждения этих вопросов в молитве перед Господом, чтобы познать предначертанные Им пути для достижения единства Церкви Христовой.

Вспомните, братья, что Христос умер, чтобы собрать рассеянных детей Божьих, чтобы было только одно стадо и один Пастырь! Да соберет нас Сам Бог вокруг Себя, чтобы нам научиться соблюдать единство Духа в союзе мира!

Не могли бы вы приехать в Петербург к 1 апреля примерно на восемь дней? Гости могут найти жилье по прилагаемому адресу. Если братья-делегаты вашей церкви не в состоянии оплатить ночлег в Петербурге, то по тому же адресу они получают бесплатное жилье и питание в расположенной поблизости столовой. Просим вас в кратчайшие сроки сообщить имя вашего делегата заказным письмом по адресу:

*Мария Ивановна Игнатьева,
Выборгская сторона,
Ломанов переулок,
дом Пашкова № 3.*

Братьев, остающихся дома, просим поддержать собравшихся в Петербурге молитвами в Духе Божьем, чтобы им и церквам получить те же потоки благословения Божьего.

Убедительно просим не пускать к нам никого, кто не был направлен к нам вашей церковью.

В. А. Пашков

М. М. Корф

Предложение брата меня очень обрадовало. Тем не менее мне было совершенно ясно, что это письмо представляет собой открытое признание по отношению к правительству в том, что мы желаем следовать за Христом без оглядки. Но я доверился Господу и не был разочарован. Иисус дал нам силы Духа Своего, чтобы мы могли почитать «поношение Христово большим богатством, нежели египетские сокровища».

Помолившись, мы разослали это письмо штундистам, баптистам, меннонитам, молоканам, духоборцам и евангельским христианам, так называемым захаровцам в Таврической губернии. Вскоре мы получили ответы-заявки, а к 1 апреля в Петербург съехалось около семи-десяти братьев со всех концов нашего отечества.

Первое собрание проходило в принадлежавшей Пашкову столовой в Ломановом переулке. Все были рады встрече. Приехавшим делегатам – руководителям разных евангельских

групп России – были представлены на обсуждение шесть подготовленных нами вопросов.

Над их формулировкой работали пятеро братьев: доктор Бедекер из Англии, штундист Яков Деляков из Южной России, пресвитер церкви немецких баптистов в Петербурге И. В. Каргель, граф Корф и В. Пашков. По своему содержанию эти статьи представляли собой в узком смысле символ веры разных церквей, в них в общих чертах рассматривались вопросы крещения и хлебопреломления. Поскольку мы, пятеро братьев, принадлежали к разным общинам, но были тем не менее совершенно едины в этих вопросах, то полагали, что и приезжие братья примут эти статьи без возражений. К сожалению, мы ошибались. Особенно вопрос крещения вызвал нескончаемые споры, и мы никак не могли прийти к согласию. Приведу здесь текст этой статьи в том виде, в каком он был сформулирован нами.

«Мы признаем крещение как данное Богом постановление, в подчинении которому проявляется послушание Богу. Порядок исполнения этого постановления остается на совести каждого отдельного человека в соответствии с его познанием Слова Божьего. Разногласия в понимании этого вопроса ни в коем случае не должны приводить к расколу детей Божьих».

После первого собрания мы, несмотря на горячие дискуссии, совершенно мирно разошлись по домам, решив продолжить обсуждение затронутых вопросов на следующий день в доме княгини Ливен.

Мы только начали второе собрание, занявшись вновь вопросом крещения, как в зал вошел один англичанин, знакомый Пашкова. Услышав, о чем мы говорим, он коротко и решительно сказал:

– Братья, на колени! Наше единство во Христе, Он – наша жизнь, воздадим Ему честь и хвалу!

Мы преклонили колени, и к престолу Божьему вознеслись горячие молитвы. Это были молитвы подчинения: мы исповедовались в том, что еще недостаточно укоренились во Христе, что угашаем Духа Святого. Когда мы поднялись с колен, в собрании воцарилась атмосфера всеобщей радости, мы почувствовали единство Тела Христова, единство, способное прекратить споры о вопросах крещения. Этот случай я никогда не забуду. Он был для меня уроком на всю жизнь.

Мы должны искать единства не в понимании догм, а в Духе и истине, которую верующие находят во Христе. Ах, если бы нам научиться пребывать в Нем и так любить друг друга! Научиться носить бремена друг друга и таким

образом исполнить закон Христов! (Гал. 6:2). Тогда мы вынимали бы сначала бревно из нашего глаза, прежде чем пытались бы вынуть щепку из глаза нашего брата (Лк. 6:42). «Прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4:32).

Возьмем, к примеру, наше тело. Как много в нем разных членов! И все они связаны друг с другом кровью, связаны кровообращением. Несмотря на это единство они выполняют совершенно разные задачи. Глаз не разбирается в деятельности уха, а ухо не имеет представления о деятельности глаза; но оба члена находятся очень близко друг к другу, так что невозможно отрицать их принадлежность одному телу и наличие у них одной головы.

Внутреннее сердечное единство не зависит от разногласий в понимании библейских истин, которые всегда будут иметь место среди детей Божьих. Единство царит там, где дети Божьи поднимаются выше человеческих мнений. «Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новое творение» (Гал. 6:15).

На следующий день я пришел в условленное время на собрание, но, к моему удивлению, там не было никого из приезжих братьев. Мы не знали, чем это объяснить. Вернувшись домой, я нашел там грязный листок бумаги со словами:

«Мы в тюрьме, нас высылают из Петербурга». Без подписи.

Несмотря на все наши старания, нам не удалось увидеть ни одного брата. Лишь спустя несколько дней мы получили письма, разъяснившие ситуацию. Оказалось, что полиция, продержав братьев несколько часов под стражей, взяла с них письменное обещание немедленно покинуть столицу и вернуться на родину.

Начиная с этого дня, собрания верующих находились под запретом. Полиция строго наблюдала за нами. Я слышал, что Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, в подробном письме императору изложил необходимость принятия строжайших мер против пашковского движения.

И 24 мая 1884 года «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» было закрыто. С мая того же года я с семьей проживал в Царском Селе, находясь под строгим полицейским надзором. Каждое утро мы читали с нашей прислугой Слово Божье и вместе молились. Узнав об этом, один полицейский попросил разрешения присутствовать на этих общениях. У меня невольно появилась мысль, не подослан ли он к нам правительством. Но ведь и полицейский имеет живую душу. Поэтому я не запрещал ему посещать наши домашние собрания. Был ли он подослан властями, я так никогда и не узнал. Он

приходил почти каждый день. Однажды он пришел неожиданно и в необычный час, в полной форме и при оружии. Я решил, что он пришел арестовать меня. Но он, сияя от радости, рассказал, что получил повышение по службе: отныне он будет нести дежурство во дворце и просит, чтобы я благословил его на эту ответственную должность. Эта просьба очень тронула меня. Мы встали на колени, и я искренне попросил Господа благословить полицейского в его новой должности и дать ему радость познания Христа.

Когда стало известно, что мы будем высланы из России, все товарищи этого полицейского тут же уничтожили все полученные от меня трактаты. И только этот человек не захотел с ними расставаться, получив благословение от их чтения. Он решил обратиться к священнику с просьбой просмотреть трактаты и сказать, можно ли их сохранить. Прочитав брошюры, священник сказал:

– Можешь спокойно сохранить их, они отвечают Слову Божьему. А что твоему графу приходится страдать ради истины, так это вполне нормально. Ибо «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12).

Такой ответ православного священника успокоил полицейского, и он сохранил трактаты. Таким образом даже сторонник догматического

учения, опирающегося во многих вопросах на легенды, может заступиться за истину. Наша задача – не судить, а любить всех, даже наших врагов, и держаться Слова Божьего.

ВЫСЫЛКА ЗА ГРАНИЦУ

В июне 1884 года меня вызвал к себе министр полиции. Я знал его лично, мы встречались раньше при дворе и на светских приемах. Он принял меня любезно и дружелюбно.

– По воле императора я должен предъявить вам этот документ для подписания, – сказал он.

Я прочитал документ, но подписать не мог. Это было бы против моей совести. От меня требовалось обещание не проповедовать, не проводить собраний, не молиться своими словами, прекратить всякое общение со штундистами и иными религиозными общинами.

И я ответил министру:

– Я знаю императора. Я ценю и глубоко уважаю его. Я знаю его как человека честного и доброго, с широкой душой. Я знаю, что Его величество уважает людей. Но я не могу поступать против моих убеждений и против моей совести.

– В случае неподписания, – ответил министр, – император распорядился выслать вас из России.

– Я подчиняюсь воле моего господина и остаюсь его верным подданным. Я буду любить его от всего сердца и до конца дней моих сохраню чувство уважения к нему.

Таков был мой ответ, и я сдержал свое обещание. Все время, пока я был у министра, несколько сестер в Господе и доктор Бедекер, собравшись у княгини Гагариной, молились за меня. Когда я пришел к ним, мне дали телеграмму от моей жены из Царского Села со словами: «Веруй твердо в Господа и не отступай от Слова Божьего ни на шаг!»

В тот же день к министру был вызван и Пашков. Я не смог с ним до этого встретиться. И ему была предъявлена такая же бумага, и, конечно, он тоже не смог ее подписать. Княгиню Ливен как великосветскую даму министр, конечно, не мог вызвать к себе, поэтому он явился с такой же бумагой к ней домой. Но и она не подписала ее. Правда, о высылке министр ей ничего не сказал. Выслушав доклад министра о результатах беседы с Пашковым, княгиней Ливен и со мной, император сказал, что даму придется оставить в покое. В ответе Его величества несомненно проглядывалась рука Божья. Нежелание выслать княгиню он объяснил тем, что считает ее безопасной, а полиция не решалась вмешиваться в собрания, которые после нашей высылки проводились всегда в ее доме. До самого конца

ее дом оставался убежищем для верующих; там они собирались после нашей высылки, там продолжалась проповедь Евангелия.

Должен признать, что мне по-человечески было очень тяжело покинуть мою родину, мою деятельность благовестия; но знание того, что мне выпало на долю оставить всё и следовать за Иисусом, нести Его иго, доставляло мне не только утешение, но и большую радость.

Необходимость скорого отъезда – мне дали на сборы всего лишь две недели – доставила нам большие проблемы. Мы вынуждены были всё оставить, но об этом мы не переживали, так как поступали по вере и убеждениям, полностью полагаясь на то, что Спаситель нас не оставит.

Мы покинули Царское Село 27 июня 1884 года. Моя любимая жена была беременна, и врач предписал ей строгий покой. Но она не хотела оставлять меня одного. По прибытии в Париж, где в то время находились родители моей жены, Господь подарил нам здорового сына; длинное путешествие не повредило ни матери, ни ребенку.

Весть об изгнании меня и Пашкова быстро разлетелась по России. Узнав об этом, дорогие братья в разных губерниях решили, что нужно найти нам замену. Нам сообщили, что вместо двух братьев – Пашкова и Корфа – были избраны

семнадцать других братьев, которые переняли наше служение во всех церквях, а не только в Петербурге. Неисследимы пути Господни! (Рим. 11:33). Но во всем мы видим Его любовь, и всё служит достижению Его цели.

С тех пор как я стал чадом Божьим, сатане была объявлена война. Грех и мир – его мощное воинство. Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе! Верный Господь всегда ведет нас вперед, наперекор всем испытаниям. Вследствие катастрофы в России¹ мы лишились всего нашего имущества, всех земных владений. Но мы можем вместе с апостолом утверждать: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6:10). Мы живем верой, и Христос – наше утешение и сила. В мои 85 лет я с полной уверенностью могу засвидетельствовать верность этих слов.

Да благословит нас Господь быть всегда и везде благоуханием Христовым, живыми свидетелями, доколе Он придет и возьмет к Себе всех, принадлежащих Ему!

---

¹ Имеется в виду революция 1917 года. – Прим. редактора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо В. А. Пашкова протоиерею И. А. Янышеву от 9 апреля 1880 г.

Повторяющиеся с некоторого времени в газетах разноречивые и отчасти превратные толкования производимых мною чтений Слова Божьего заставляют меня обратиться к Вам с письмом, которое имею честь покорнейше просить Вас благоволить напечатать на столбцах издаваемого Вами журнала.

Богословских познаний я не имею никаких, а потому, зная, что легко могу ошибиться, касаясь толкования подобных вопросов, я всячески старался избегать их в беседах своих; точно так же я намерен и впредь не вступать ни в какие о них прения, желая в этом случае, как и в других, следовать повелению Господа: «Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большому осуждению» (Иак. 3:1), и, довольствуясь тем исключительным призванием, которое имею от Бога, призывать людей к Спасителю.

Когда-то я был без Христа, чужд заветов обетования, не имел надежды и был безбожником в мире (Еф. 2:12). Я приближался устами моими, но сердце мое было далеко от Него (Мф. 15:8). Закон Божий был для меня мертвою буквою;

я руководствовался исключительно правилами человеческими, живя для себя, пытаюсь в самые лучшие минуты жизни совместить несовместимое, т. е. служить двум господам, хотя, по словам Спасителя, это невозможно. Я был другом миру, не понимая, что «дружба с миром есть вражда против Бога» (Иак. 4:4), и жил по воле князя мира сего (Еф. 2:2), а вместе с тем боялся окончательно рассориться с Богом. Я с Господом не собирал и не понимал, что, кто не собирает с Ним, тот расточает (Мф. 12:30). Я проводил, обличаемый совестью, жизнь суетную, греховную, богопротивную в продолжение целых сорока лет в соблазн другим и в осуждение себе.

Я не разумел любви Господней, полагая, что Господь любит только таких, которые первые Его возлюбили и тем заслужили себе любовь Его.

Настало время, когда явилась мне «благодать Божия, спасительная для всех людей» (Тит. 2:11), когда Господу благоугодно было дать мне понять, что Христос, умирая за грехи мира, умер и за мои грехи, что приобретенное Им вечное искупление (Евр. 9:12) приобретено и для меня, что если «праведностью одного – всем людям оправдание к жизни» (Рим. 5:18), то оправдание это предложено и мне, что Христос, сделавшись «для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:9), может сделаться виновником и моего спасения.

Озаренный светом Слова Божьего, я увидел себя отчужденным и врагом по расположению к злым делам (Кол. 1:21), понял, что я грешник погибший, что я не в состоянии ничего сделать для своего спасения.

Преступленный мною Закон Божий оказался для меня «детоводителем ко Христу» (Гал. 3:24), пришедшему «призвать к покаянию не праведников, но грешников» (Мф. 9:13), «взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19:10). Я обратился к Богу, потеряв на себя надежду, и покаялся пред Ним в греховности и отчаянной испорченности сердца своего.

Это большой подарок от Господа, что я смог поверить в прощение грехов именем Его (Деян. 10:43). «Благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа» (Рим. 5:15), восполнили всю мою нужду, переполнив сердце мое радостью неземною и благодарностью к Спасителю, искупившему меня кровью Своею Богу (Откр. 5:9). Я отдался Ему, чтобы Он исцелил меня от грехов моих; повинувшись Его призыву (Мф. 11:28–30) и полагаясь на истинность Его Слова, я доверился Спасителю моему, в Котором и имею теперь жизнь вечную (1 Ин. 5:10–13), Который не даст мне погибнуть вовеки и не даст меня похитить из руки Своей (Ин. 10:28). Буду «держаться исповедания упования неуклонно» (Евр. 10:23), «ибо у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лк. 1:37).

Господь принял меня, как принимает всякого приходящего к Нему; благодарю Отца Небесного, что я теперь могу исповедовать перед людьми Иисуса Христа Господом моим; я теперь принадлежу не себе, а Ему; живу не для себя, но для умершего за меня и воскресшего Христа (2 Кор. 5:15). Господь теперь определил меня на служение Ему – на служение, которому я и предаюсь с радостью вот уже скоро пять лет. Оно состоит в том, чтобы свидетельствовать людям о Боге, о Его беспредельной любви, которую Он ежедневно дает испытывать.

На Спасителя Иисуса Христа, Сына Божьего, преданного за грехи мои и воскресшего для оправдания моего (Рим. 4:25), я не могу не взирать, как на единого Посредника (1 Тим. 2:5) и Ходатая (1 Ин. 2:1), как на Блюстителя душ (1 Пет. 2:25), на Начальника и Совершителя веры (Евр. 12:2). Я теперь знаю по опыту, как верен Он, и знаю, что «все обетования Божии в Нем – „да“ и в Нем – „аминь“» (2 Кор. 1:20).

О Нем я проповедую людям и свидетельствую, как Сам Бог повелевает, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых, напоминая им, что «о Нем все пророки свидетельствуют, что всякий, верующий в Него, получит прощение грехов именем Его» (Деян. 10:42–43).

Я всем повторяю, что «нет ни в ком ином спасения» (Деян. 4:11), ибо «никто не может положить

другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор. 3:11). Я говорю всем, что делами нашими мы не оправдаемся перед Богом, а оправдаемся верою в Иисуса Христа (Рим. 3:28; Гал. 2:16). Но, разумеется, истинная вера не может не проявляться в делах. Вместе с тем я постоянно напоминаю, что никто не войдет в Царство Небесное, не освободившись от греха, и указываю всем на Спасителя, Который «явился для того, чтобы взять грехи наши и... чтобы разрушить дела дьявола» (1 Ин. 3:5, 8).

Указывая на этот краеугольный камень, который может быть отвергнут строителями, я не раз использовал выражение, изложенное в строках господина Г. Попова в 10-м номере «Церковного вестника» в совершенно искаженном виде и побудившее его неверно заключить, будто я называю Церковь и таинства измышлениями дьявола. Напоминая слушателям евангельское слово о том, что человек ничего не может дать, чтобы выкупить свою душу (Мф. 16:26), я говорил, что всякая наша надежда на то, чтобы собственными заслугами приобрести Царство Небесное, есть не что иное, как измышление дьявола, заставляющее нас возлагать надежду на себя, а не на Господа. Я подчеркивал, что лукавый постоянно старается расхваливать нам самые разные ложные средства спасения, с тем чтобы скрыть от нас единственный путь, о котором Господь говорит в 14-й главе

Евангелия от Иоанна: «Я – путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Лукавый боится лишь одного: что грешник обратится к Иисусу – Единственному, Кто может спасти верующего в Него.

Возникает вопрос: не учит ли и Православная церковь тому же самому, считая необходимым на основании пятого анафематствования, провозглашаемого на праздник Торжества Православия, предавать анафеме «всякого, не приемлющего благодати искупления, проповедуемого Евангелием, как единственного средства к оправданию нашему пред Богом»?

Я всячески стараюсь доказать Словом Божиим, что все христианские добродетели являются не чем иным, как плодом Духа Святого (Гал. 5:22), даруемым Богом верующему (Еф. 1:13), т. е. принадлежащему всем сердцем Иисусу Христу и примирённому через Него с Богом Отцом (Ин. 1:12–13; Еф. 1:5; 3:15), и что поэтому никакая плоть не может хвалиться перед Богом, «получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления» (Рим. 3:24; Еф. 2:9).

Вот в коротких словах сущность того, о чем я свидетельствую перед людьми «по мере веры» (Рим. 12:6), «не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор. 1:17–18).

Ответ протоиерея Янышева от 12 апреля 1880 года

В Вашем письме от 9 апреля сего года Вы излагаете основную суть своих проповедей и выражаете желание напечатать ее в «Церковном вестнике». Я с удовольствием исполнил бы Ваше желание, если бы Ваше учение и характер Вашей деятельности не вызвали сомнений, без прояснения которых напечатать Ваше письмо в «Церковном вестнике» неприемлемо. Ради любви к нашему Спасителю Вы, несомненно, не откажете в просьбе успокоить многих читателей вышеназванного журнала, ответив на два следующих вопроса:

1. Своей евангельской деятельностью Вы занимаетесь среди народа, который уже имеет своих православных пастырей и учителей во главе с архиереем. Правда ли, что Вы начали и все еще продолжаете свою деятельность, не имея на то благословения, совета или иного участия этих настоятелей церкви? Если это так, то Вы, наверное, считаете, что такой образ действий в христианской общине отвечает учению Христа и христианской любви к ближнему?

2. В Ваших замечаниях к изложению Вашего учения господином Поповым в его письме Вы, очевидно, открыто признаете, что священными таинствами верующий удостоивается

спасительной благодати Божьей. Вы признаете также обязательный для верующего авторитет Церкви в вопросах понимания открытой Богом истины и церковных институтов. Не так ли?

В ожидании Вашего ответа ...

Ответ Пашкова от 30 апреля 1880 года

В своем письме от 26 апреля Вы выразили готовность выполнить свое обещание и опубликовать в «Церковном вестнике» мое письмо от 9 апреля, в котором я изложил истинное содержание моих бесед о Слове Божьем.

Таким образом устранено основание, ограничивающее нашу переписку предметом этих бесед. И хотя я не понимаю, какое отношение имеют предложенные мне Вами вопросы в письме от 12 апреля к этому предмету, я тем не менее готов, глубоко уважая Ваше желание, дать ответы, о которых Вы просили.

Господь Иисус Христос говорит: «Всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Мф. 10:32–33). А также: «Кто не собирает со Мной, тот расточает» (Мф. 12:30). На основании этих слов Господних я со времени обращения свое-

го ко Христу начал свидетельствовать о Нем, когда к тому представлялся случай, – сперва перед отдельными лицами, а затем и в частных небольших кружках; я веровал, а потому и говорил (2 Кор. 4:13), радуясь тому, что Господь отверз уста мои к прославлению имени Его. Я исполняю и по сие время положительно выраженную Им волю, провозглашая в настоящий век неверия и отрицания имя Спасителя и Бога моего Господа Иисуса Христа. Такой образ действий может быть признан противным учению Господнему и христианской любви к ближнему, пожалуй, лишь потому, что, как я убежден, всякий неверующий в Сына Божьего уже осужден, не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. 3:18, 36).

Я не могу не признавать установленных Господом и Его апостолами таинств, но не могу также не быть убежденным Словом Божьим, что все таинства установлены исключительно только для верующих, для которых одних они имеют благодатное действие, обращаясь для всякого, кто приступает к ним недостойно, т. е. без веры, в осуждение (1 Кор. 11:29).

Церковь Бога живого есть столп и утверждение истины (1 Тим. 3:15), есть тело Христово (1 Кор. 12:27), состоящее из живых членов, т. е. верующих во Христа, искупленных Им, принадлежащих Ему и любящих Его, из членов, уже

почивших во Христе, живущих в настоящее время, и всех тех, которых Господь присоединит в будущем к Своему телу. Авторитет ее я не могу не признавать; благодарю Господа моего и Спасителя, что могу себя почитать принадлежащим к Церкви Его, в которой «Он поставил одних апостолами, других – пророками, иных – евангелистами, иных – пастырями и учителями к совершенствованию святых на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божьего...» (Еф. 4:11–13). Я не могу и не желаю отвергать, что эти особые дары Духа Святого даются избранным Его на дело служения Его.

Мои ответы я даю Вам исключительно по Вашему желанию; но, к сожалению, я вижу, что Вы не будете полностью удовлетворены ими ни в отношении формы, ни в отношении точности изложения. Но я уже однажды заверял Вас, что имею лишь слабые познания, и поэтому Вы, должно быть, ожидаете от меня лишь искреннего изложения моей веры в отношении тех вопросов, о которых каждый христианин должен давать себе отчет.

Чем больше я размышляю о том, насколько мой ответ на поставленные мне Вами вопросы поможет Вам проникнуть глубже в суть моих бесед, тем больше меня смущает мысль, почему Вы уже из моего письма от 9 апреля не сделали

вывода о том, что я в своих беседах не затрагиваю этих вопросов. И хотя я полагаю, что был бы в состоянии дать Вам ответ, я, однако, не считаю себя призванным к ведению таких дискуссий, так как подобное развитие выходит за пределы моего христианского свидетельства, а входит в предел учительства, в которое я в беседах своих не вдаюсь. Я ограничиваюсь тем, что указываю на губительные последствия греха и на призыв к Спасителю, Господу нашему Иисусу Христу. Думаю, что тем самым я исполняю свой долг по отношению к Спасителю, Его святой Церкви и моим ближним, из которых многие в наше время обращаются к ложным и губительным лжеучениям.

Позволю себе в заключение просить Вас напечатать всю нашу переписку в Вашем «Церковном вестнике», так чтобы Ваши читатели поняли, чем были вызваны мои предыдущие разъяснения. Но если Вы сочтете невозможным опубликовать свои письма в «Церковном вестнике», тогда я прошу Вас не печатать и мои письма.

Остаюсь Ваш...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Граф Модест Модестович Корф отошел в вечность 9 ноября 1933 года в возрасте 91 года. В жизни графа, богатой благословениями, неутомимой в служении, испытанной в борьбе и невзгодах, наступил великий покой. Теперь он может видеть то, во что верил. Жизнь этого раба Божьего можно озаглавить словами из Псалма: «Праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане. Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего; они и в старости плодовиты, сочны и свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь, твердыня моя, и нет неправды в Нем» (Пс. 91:13–16).

С любовью и непрестанной радостью христианина, уверенного в своем вечном спасении, граф и в годы своего странствования на чужбине, в частности в Швейцарии (в регионах Женевского озера, Бернского нагорья и других), продолжал по-своему тихо, но проникновенно благовествовать. В конце жизни он уже не мог принимать участия в больших собраниях, но в малых кружках продолжал с неутомимой верностью служить Богу и людям своими простыми, но содержательными разборами Слова Божьего.

Потеряв в силу определенных событий большую часть своего имущества, граф жил

жизнью веры. Раньше, живя в царских дворцах и великолепных замках, в богатстве и роскоши, он тем не менее не находил удовлетворения в делах мира сего. А позднее оказалось, что жизнь в простой обстановке, в полной зависимости от Бога и любви ближних, без каких-либо крупных владений может быть в тысячи раз богаче. Граф всё оставил ради Христа и нашел больше, чем потерял. Кто имел возможность посетить его в последние годы жизни в его комнате, тот чувствовал глубокий мир и искреннюю радость, пронизывающие все его беседы и молитвы. Целью его служения до конца дней оставалось спасение людей. Перенеся перелом бедра в последний год жизни, он больше не мог выходить из комнаты. И, даже оправившись от этой тяжелой болезни, он теперь нуждался в постоянном уходе. Но и больничная палата была для него местом мира и хвалы. Друзья решили взять его к себе на зиму 1933 года, чтобы ухаживать за ним. Они не знали и не думали, что забирали его умирать. По дороге в Базель графу стало внезапно плохо, он почувствовал сердечную слабость и тихо, без борьбы закрыл навеки глаза.

Друзья и близкие провожали его в последний путь. Когда дочь графа – графиню Веру – спросили, какой текст она хотела бы выбрать для траурной речи, она сказала: «О, папа так любил славить драгоценную кровь Христа!»

Наше время, со всей его острой борьбой, нуждается в свидетелях, живых свидетелях вечной силы. Скромная жизнь графа открывает нам тайну христианина, жизнь которого была ярким свидетельством искренней веры в Иисуса Христа. Он не боролся против правительства, не противился изгнанию, не нападал на введенных в заблуждение братьев в официальной церкви. Но он свидетельствовал о живом Спасителе, искупившем его от греха. Это была и есть та весть, в которой нуждаются люди. Там, где она возвещается, появляется жизнь. Будем же свидетелями, будем славить драгоценную кровь Христа! Да благословит вас Господь, дорогой читатель, извлекь для себя урок из этого простого рассказа о великом духовном пробуждении в России!

Мария Крекер

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Христианский журнал «ВЕРА И ЖИЗНЬ» издается 45 лет. Совсем немалый срок для периодического издания. Он духовно поддерживал верующих в Советском Союзе во времена, когда говорить о своей вере было небезопасно. Среди его благодарных читателей были не только наши отцы и матери, но и дедушки с бабушками. У истоков журнала стоит легендарная личность – Николай Александрович Водневский.

Журнал «ВЕРА И ЖИЗНЬ» рассматривает христианство как мировоззрение, а не как древнюю экзотическую религию или свод правил и догм веры, далеких от реальности.

«ВЕРА И ЖИЗНЬ» – это размышления о смысле жизни, о значимости человеческой личности, о проблемах современности и о непреходящих духовных ценностях.

«ВЕРА И ЖИЗНЬ» – это не монолог журналистов. Это живая беседа читателей. Это разговор верующих и ищущих, служителей церкви и прихожан.

Если вы ищете опору в жизни и нуждаетесь в теплом человеческом общении; если вы хотите разобраться в христианской вере и ответить на сложные жизненные вопросы, тогда «ВЕРА И ЖИЗНЬ» – это ваш журнал.

«От края и до края земли»

Иван Вениаминович Каргель

В своей книге «От края и до края земли» автор описывает опыт путешествий с доктором Бедкером в течение десяти лет с проповедью Евангелия среди заключенных. Основная часть воспоминаний относится к самому долгому путешествию: от Москвы до Сахалина и назад через Японию, Индийский океан и Суэцкий канал.

И. В. Каргель написал книгу на своем родном немецком языке, и она была издана в издательстве «Свет на Востоке» в 1928 году. С тех пор на эту книгу ссылались многие авторы монографий, статей и исследований по истории евангельских христиан в России. Однако на русском языке она была до сих пор недоступна. Книга рассчитана для всех, интересующихся историей великого пробуждения в России в конце XIX века и биографией одного из самых известных деятелей братства евангельских христиан и баптистов России Ивана Вениаминовича Каргеля.

«Духовное пробуждение в России»

София Ливен

Биографическая повесть Софии Ливен.

В конце XIX века среди аристократии в Санкт-Петербурге началось духовное пробуждение. София Ливен была свидетельницей и отчасти непосредственной участницей удивительных событий. В своей книге она подробно рассказывает о благословенном для России времени.

Эти и другие книги издательства
«Свет на Востоке», а также журналы
вы можете заказать на сайтах по адресам:
в России – **www.lio.ru**,
в Украине – **www.sns.org.ua**,
в европейских странах – **www.lio.org**

Модест Корф

При царском дворе

Из серии «Свидетели живого Бога»

Директор П. Давидюк

Перевод с немецкого М. Винс

Корректоры Е. Пеннер, Э. Цорн

Художественное оформление и дизайн А. Цорн

Свидетельство о государственной регистрации
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной
в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09.

Изд. № 01.523. Подписано в печать 30.07.18.

Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 70x90/32.

Гарнитура: AGOpusHR, PTSerif, SonetSerif, Vesna.

Печать офсет. Усл. печ. л. 3,5.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 05677.

УМО «Свет на Востоке»,

ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии GGP Media,
Karl-Marx-Straße 24, 07381 Pößneck, Germany.